

А. М. Мосолова²

ОТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ К КОНСТРУИРОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК И ИХ АКЦИОСФЕРЫ

1. *Ценности* — важнейшая составляющая *архитектоники культуры*. Как отмечал еще Н. Бердяев, «человек есть существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентная функция сознания». Ценности существуют в системе *отношений* людей как субъектов к объектам как носителям ценности. Ценности есть определение *значения* объекта для субъекта. Они воплощают исторический опыт и концентрированно выражают *смысл* культуры отдельного народа и всего человечества. Под смыслом я понимаю сам способ обнаружения человеком *значения* того или иного объекта для своего бытия. Иными словами, *смысл* — это *придание ценности всему*, что входит в пространство культуры из мира природы, и всему, что создали сами люди. Ф. Ницше говорил, что «человек создал смысл вещей, *человеческий смысл!*» Сущность ценности — в ее значимости, а не фактичности.

По мнению многих исследователей, *система ценностей* образует внутренний стержень, или *ядро* культуры, духовную квинтэссенцию интересов отдельных личностей и социальных общностей. И эта система ценностей оказывает обратное воздействие на социокультурные потребности и интересы, выступая одним из главных мотиваторов деятельности и поведения людей. Ценности человека являются своего рода ориентирами, с которыми он соотносит свои действия и поведение.

2. Как полагает академик В. С. Степин, «в глубинных основаниях культуры можно выделить фундаментальные

жизненные смыслы, базисные ценности, которые играют роль своего рода системных параметров, объединяющих все многообразие культурных феноменов в органическую целостность. Эти ценности и жизненные смыслы представлены мировоззренческими универсалиями (их именуют также категориями культуры, идеями, концептами), которые в своем сцеплении или взаимодействии задают обобщенный образ человеческого жизненного мира»³. Содержание мировоззренческих категорий, по В. С. Степину, включает всеобщий слой смыслов, который «всегда сплавлен со вторым смыслом, который репрезентирует специфику культуры исторически определенного типа общества, выражает особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, особенности принятой шкалы ценностей». Третий слой смыслов — это «конкретизация универсалий в многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний»⁴.

В свете этого *развитие культуры* предполагает создание, *конструирование новых смыслов и значений*, которые связаны с регуляцией и управлением деятельностью, поведением и общением людей. Вместе с тем *развитие культуры связано с формированием новых кодовых систем*, закрепляющих и транслирующих эти смыслы и значения.

3. Ценности являются предметом изучения широкого круга гуманитарных наук, что обусловлено сложностью этого феномена, его сторон, аспектов, свойств и функций. Представители разных конкретно-научных подходов пытаются строить аксиологические концепции, сводя сложное к простому, целое к части или сумме частей, многомерное к одномерному. Однако лишь философский и культурологический подходы к исследованию этого сложного феномена способны теоретически «схватить» его в целостности, выявить его структуру, которую эта целостность обеспечивает и которая обуславливает отбор и взаимоотношение наук, обращающихся к их познанию. Культурология целостно исследует акциосферу в эволюционной самоорганизации жизнедеятельности человека, ее исторические типы в динамике культурогенеза.

² Заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Скульптура и монументальное искусство Киргизии», «Теодор Герцен. Творческий портрет», «Виталий Бубенцов — художник Русского Севера», «Культурные индустрии Кольского Севера» (в соавт.), «История искусства Кыргызстана (с древнейших времен до XX века)», «Культура Дальнего Востока России» (в соавт.), «Культура Урала» (в соавт.), «Культура Северо-Запада России» (в соавт.), «Культурология» (в соавт.), «Основы теории художественной культуры», «История культуры Кольского Заполярья» (в соавт.), «Мировая художественная культура в памятниках» (в соавт.), «Философско-культурологические основания содержания структуры современного гуманитарного образования» и др. Награждена орденом «Знак Почета», почетной грамотой Министерства образования РФ и др.

³ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 61.

⁴ Там же. С. 64.

4. Изучение культуры в целом, в том числе ее ценностных структур и их роли в развитии культуры, не является целенаправленным и согласованным в интеллектуальных практиках в нашей стране. В массиве литературы о культуре существует множество слабо согласующихся языковых систем и пластов, которые принадлежат разным эпохам, научным направлениям и философским школам. Это метафизический язык искусствоведения, язык классической и позитивистской философии, но особенно — язык импровизационной герменевтики и постмодернизма. Многие российские авторы за последние десятилетия привыкли работать по линии «догоняющей модернизации», используя языки поздно переведенных текстов полувекковой давности в парадигмах европейской мысли — структурализма, функционализма, символического интеракционизма и т. д. На отечественную мысль сильно повлияла традиция неокантианской трактовки «наук о культуре», заострившая противоположность *понимания* как интуитивного постижения реальности *объяснению* как дискурсивно-логической процедуре. Это одна из причин несерьезного отношения к гуманитарному знанию.

Кроме того, на существующую бессистемность научного языка культурологии повлияли методологический плюрализм и понимание научного творчества почти как произвола автора. Самыми распространенными форматами культурологического дискурса сегодня являются: «каждый о своем» или же «о высоких абстракциях». К тому же любой разговор о культуре в журналистике и политологии именуется «культурологическим», хотя вовсе таковым не является. Об этом свидетельствуют сотни и сотни сборников с материалами огромного числа конференций, посвященных обсуждению различных проблем культуры, включая аксиологические. В них «тонут» действительно эвристические достижения философии культуры и культурологии.

Несмотря на противоречия и трудности в процессе изучения культуры как явления высокой сложности, созданной человечеством, в нашей стране сложилось представление о разных уровнях и соответствующих им познавательных процедурах исследования культуры. Это уровни *философии культуры*, собственно *культурологии* и конкретно-частного *культуроведения*, изучающего отдельные явления и стороны культуры (этнографии, филологии, искусствоведения и т. д.). В частности, М. С. Каган писал: «Как философская антропология не есть человековедение, как социальная философия не есть социология, так и философия культуры и культурология — это разные уровни одного и того же предмета»¹. Эта позиция сегодня характерна и для других крупных российских философов и культурологов — В. М. Межуева, В. М. Розина, В. С. Степина. Например, В. С. Степин считает, что общая картина структуры и динамики есть предмет культурологии, и эта картина «не сводится к философии и не является ее частью. Она принадлежит к области специальных знаний о культуре, которая получает философское обоснование»². К сожалению, в условиях затянувшейся

моды на плюральный постмодернизм имеется множество проявлений методологической наивности и методологического нигилизма и путаницы в теоретических уровнях исследования культуры и ее элементов.

Как раз культурология как система специальных научных знаний о целостности культуры и ее исторических модификациях сложилась в нашей стране. В этой системе преодолена редукционистская трактовка феномена культуры, сведение его содержания к искусству, музеям, охране памятников истории, явлениям духа. Путь к теоретической культурологии пролегал, как известно, через абстрагирование и формализацию объектов исследования, через рационализирующую и конституирующую деятельность познающего субъекта.

К настоящему времени в российской культурологии вышли на первый план и продуктивно развиваются два направления концептуализации культуры. Во-первых, это *деятельностная теория культуры*, представленная такими крупными учеными, как Э. С. Маркарян, М. С. Каган, В. С. Степин и их последователи. Во-вторых, это *информационно-семиотическая теория культуры*, которую на базе идей А. Моля и Ю. М. Лотмана наиболее глубоко разработали А. С. Кармин, Х. Г. Тхагапсоев и ряд других авторов. Развитие культурологической мысли на основе деятельностного и информационно-семиотического подходов позволило открыть культуру как «систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях»³. Согласно концепции В. С. Степина, в целостном социальном организме культура выступает аналогом генетических кодов, передаваемых от поколения к поколению людей, весь массив информации о созданном ими неорганическом мире и способах существования в нем.

По мнению А. С. Запесоцкого, данное определение культуры является новаторским, задавая принципиально новый ракурс видения культуры, понимания ее сути. С одной стороны, оно «сочетает достоинства деятельностного, ценностного и семиотического подходов, интегрирует достоинство этих подходов, с другой — носит динамический характер, с третьей — антропоцентрично, то есть ставит в центр системы человека, его развитие»⁴.

Можно с уверенностью сказать, что в российской научной мысли сформировались глубокие философско-методологические основания изучения культуры как сложного и целостного объекта познания, на которых можно строить исследование ее морфологии, свойств, особенностей, динамики, аспектов, в том числе касающихся ценностей и смыслов культуры. Вместе с разработкой проблем философии культуры в России конституировалась культурология, определилось ее место в системе наук, хотя ее легитимация в научном сообществе встречает трудности, связанные с инерцией старого типа мышления и отсутствием культурологической компетентности современного уровня среди ряда

¹ Каган М. С., Соколов Е. Г. Диалоги. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 9.

² Культурология как наука: за и против: круглый стол. Москва, 13 февраля 2008 г. / науч. ред. А. А. Гусейнов. СПб.: СПбГУП, 2009.

³ Степин В. С. Указ. соч. С. 43.

⁴ Запесоцкий А. С. Концепция культуры В. С. Степина // Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 11.

представителей других областей научного знания и органов управления наукой, образованием и культурой.

Российская культурология с ее интегративными и генерализирующими возможностями способна обновить исследовательскую оптику и поднять на новый уровень систематизации знания о человеке и созданном им мире культуры, а также продолжить разработку своего понятийно-категориального языка — одного из главных индикаторов ее научности. Однако в стране нет мощных научно-исследовательских центров по культурологии, ни в структуре РАН, ни в других научно-образовательных структурах страны. Плюралистическое «броуновское движение», присущее состоянию науки во многих университетах, не может заменить целенаправленное развитие культурологии и ее продуктивное воздействие на обновление существующих и конструирование новых разнообразных культурных практик. *Создание сети взаимосвязанных центров сегодня становится настоящей необходимостью.* «Нет ничего практичнее хорошей теории», — любил повторять один из патриархов отечественной культурологии Э. С. Маркарян. Это общепризнанное лаконичное утверждение как нельзя лучше вскрывает суть дела, обсуждаемого сегодня. *Решение практических задач* развития современной культуры *требует «хорошей теории».* Как было показано, философская теория культуры и теоретическая культурология в решающей степени сформированы и открыты для последующей разработки своих направлений, отраслей, аспектов, категорий и т. д. Кроме теоретических усилий, культурология сегодня должна потратить немалые усилия проектно-регулятивного и смыслополагающего характера.

Уже говорилось о том, что *развитие культуры* связано с *двумя линиями* — формированием новых кодовых систем и выработкой новых смыслов и значений. Компьютерная стадия развития нашей цивилизации предоставляет *новые системы кодирования массового социокультурного опыта*, который должен осваивать индивид. Эти информационные системы закрепляют изменения характера коммуникаций и способов включения человека в специальные связи, в пределах которых варьируются разные формы социального поведения и деятельности. Неслучайно так остро стоит

вопрос о необходимости тотальной информатизации населения страны. Следует заметить, что *формирование новой системы кодирования* накопленного опыта *опережает выработку новых смыслов и значений*, регулирующих поведение и общение людей. Именно на эту сторону развития культуры следует обратить самое пристальное внимание.

Культурология должна стать более чувствительной к реальным вызовам сложного и напряженного бытия современников, к изменившимся «текстам культуры» с его многообразными значениями и смыслами. По метафорическому выражению Клиффорда Гирца, современный текст культуры являет собой «паутинку смыслов» или «паутинку значений», сплетенную запутавшимся в ней человеком¹. Действительно, ценностные ориентации и смыслы в современных «текстах культуры» настолько противоречивы, неустойчивы, разнонаправленны, дезорганизованны, что человек теряется в этой «паутине». Отсюда возникают мотивы «обесмысленности существования» и жажда поисков новых смыслов. Сегодня необходимы переосмысление всей проблематики современных культурно-трансформационных процессов в стране и конструирование новой российской национальной культуры с определенным типом (или типами) научной рациональности, с гуманитарными ориентирами и ценностями.

Особого внимания заслуживает решение вопросов по *культурологии образования* — важнейшего инструмента анализа и конструирования современного образования как фундаментального способа воспроизводства и развития культуры российской нации. Нужна корректировка стратегического курса в управлении образованием с учетом реальных особенностей поликультурной страны и остроты вопроса социокультурной идентичности россиян, учитывая многообразие семиотических образов культуры народов России.

Развитие культуры России с ее сложной ценностно-смысловой структурой в изменившихся условиях существования предполагает целенаправленное взаимодействие между научно-исследовательскими, образовательными, управленческими и общественными организациями. В настоящее время нужна синергия усилий всех культурологов страны, заинтересованных в позитивном, качественном развитии культуры нашей Родины.

¹ Гирц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. С. 11.